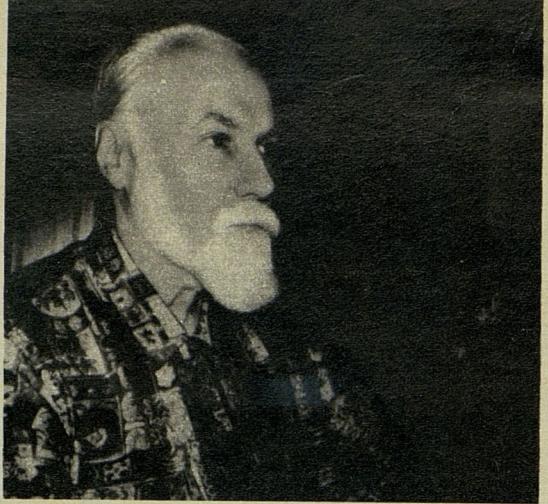

Валентин СИДОРОВ

[Индийские заметки]

Девич
Рама
и Святой
Николаевичу
Святославу
на память

Святослав Николаевич Перих.

22.11.74
Б. Сидоров

И
В
Е
И
Х
А
И

Дороги в Индии просыпаются рано, очень рано. Здесь стараются опередить палящее солнце. Дорогой каждый утренний час, каждое прохладное мгновение. Потому в рас светной дымке, веющей свежестью, снуют машины: несется, громыхая, скуттер — полуоткрытый экипаж, представляющий собой нечто среднее между мотоциклом и малолитражным автомобилем, выворачивается навстречу нам автобус, на ветровом стекле которого красуется цветное изображение Кришны и священное слово «Ом». Бредут пешеходы. Но, конечно, центральная фигура шумных, многоголосых индийских магистралей — велосипедист. Здешний велосипедист — это нечто особенное, уникальное. Если Индия — страна чудес, то, на мой взгляд, один из главных феноменов этой страны — ее велосипедист. Более всего поражает виртуозное искусство, с которым скромная машина превращается в многоместный экипаж. Вот типичная дорожная картина. Счастливый отец семейства лихо крутит педали. На багажнике, непринужденно свесив смуглые ноги, восседает его жена. В ее руках — сумка с овощами и фруктами. На жесткой раме — двое или трое загорелых мальчуганов. С детства в Индии приучаются владеть своим телом, потому позы седоков естественны, не чувствуется никакой напряженности. Не обращая ни малейшего внимания на шум и движение, члены семейства ведут оживленную беседу, а если прерывают ее, то для того, чтобы одарить встречного белозубыми улыбками.

Наша машина набирает скорость. Мелькают деревья. Мы мчимся мимо глинянобитных хижин, бензоколонок, куполообразных храмов, базаров, где высятся горы полосатых арбузов и желто-зеленых манго. Наш путь лежит на север. Мы стремимся уйти от лучей восходящего солнца. Но оно, увы, настигает нас. Душно. Листва становится раскаленной. То и дело останавливаемся у лавочек, чтобы выпить кока-колу. Пьем и местный напиток, изготавляемый из стеблей сахарного тростника, ледяной и молочно-белый.

Незаметно, когда солнце было в самом зените, мы пересекли границу, отделяющую жару от прохлады. В лицо ударила хвойная свежесть. Над дорогой простерли ветви гигантские кедры и голубые сосны. Гималаи. Здесь дышится по-другому, и пейзажи здесь другие. Нет-нет да и проглянет картина, столь привычная для нашего взгляда, — поляна, сплошь заросшая белыми цветами с золотыми крапинками. Тысячелистник. А долина Кулу — конечная цель нашего путешествия — все время удивляет неожиданным сочетанием красок и ароматов. Здесь рядом с магно-

лией, источающей дурманящий запах, спокойно растет беловольная, типично воронежская березка.

2

...Об индийском собеседнике можно написать целую книгу. Удивительна чуткость, с которой он реагирует на любое движение вашей души. Замечательно отсутствие категоричности, нередкой в наших спорах, предельное внимание и уважение к словам собеседника. Беседы в зависимости от их характера носят различные наименования. Особенно доверительной считается «сатсанг». Так на языке хинди называется разговор о высоких духовных предметах. Это как совместная медитация на ту или иную тему. Религиозные мотивы не обязательны. Обязательна лишь направленность в сторону высокого, вечного, беспредельного.

«Сатсанг» очень чтится индуистами. Сама беседа, вне зависимости от конечного результата ее, считается наградой за то хорошее, что человек совершил или в этой, или в прошлой жизни (все религиозные и философские школы Индии сходятся в одном пункте: они верят в перевоплощение человеческих душ). «Сатсанг», да еще на фоне священных Гималайских гор, — это двойная награда.

Конечно, размышления о предметах высоких дают особый ритм и настрой разговору. Но это отнюдь не означает отрешенности от земных вопросов. Наоборот. Индийский оппонент обладает поразительной способностью мгновенно переключать внимание.

Мне пришлось беседовать с министром земледелия одного из индийских штатов. Помимо того, что он был министр, он был и поэт. Поэтому разговор наш сразу принял форму «сатсанга». Прозвучали слова великого поэта древней Индии Калидасы: когда ты вошел в мир, ты горько плакал, а все вокруг тебя радостно смеялись. Сделай жизнь такой, чтобы ты радостно смеялся, покидая мир, а все вокруг тебя плакали.

Я читал свои стихи («В языке воскресшего санскрита мы глаголем славянский узнам»). Их тут же переводили на английский. Министр, забыв на какое-то время, что он министр, пел и читал свои. Насколько можно судить по переводу, стихи его были философские, с изрядной примесью мистики.

И вот в то время, когда, казалось, все мысли должны быть прикованы к заоблачным высотам, неожиданный вопрос возвратил меня на землю.

— А вы знаете, как я побеждаю противника на выборах? Я сочиняю песню, высмеивающую противника. В деревнях распевают ее. И голосуют за меня. Так я побеждаю.

И поэт, опять превратившись в министра, засмеялся, довольный своей выдумкой. Засмеялся так разительно, что я невольно присоединился к его смеху.

3

Двухэтажный дом окружен лимонными деревьями и соснами. Из окон видны Гималайские горы, заросшие лесами, снежные вершины. Облака медленно наползают на седловины хребтов. Царит тишина, прерываемая ровным рокотом горной реки Биас.

Здесь последние годы жизни ра-

не то судорогой испуга, не то изумлением при виде внезапной отрешенности Никитина, и, отхаркнувшись, плюнул; плевок не попал в лицо Никитина, белым пятном прилип к груди, и только, как в тумане, уловив узкие глаза парня, Никитин кинулся к нему и с ненавистью и наслаждением ударил его в костиственный, лязгнувший членностью подбородок, в мокрый рот, захрипевший заглушенным криком. Но сзади что-то черно и сильно оглушило его по голове, фонарь качнулся вбок, мостовая жестко царапнула щеку, замелькали, хрюпая, вскрикивая, тени над ним, забегали вокруг, заскакали ноги, по-звериному пронзил его чей-то голос: «В печенку бей, в печенку!» И он, чувствуя острые удары ног под ребра, под грудь, охваченный одной сумасшедшей и мстительной мыслью: «Подняться, лишь бы подняться!» — рванулся с земли, упираясь в асфальт двумя руками, неимоверным толчком вырвался из толота, толчни окружавших его ног, метнулся вправо, влево среди полуబезумных, почти нечеловеческих лиц, объединенных одинаковым оскaledенным волчьим выражением, будто возбужденных видом крови. И без ощущения боли ударов, подчиняясь незнакомой, взорвавшейся в нем дикости, крича неистово и страшно: «Трусы! Сволочи!» — мотался в окружении тел, бил по этим ненавистным лицам, нагибаясь, выворачиваясь, едва не падая от бешено вложенной в скатые до онемения кулаки силы, как обреченный дорого отдать свою жизнь. В то же время, безобразный, наверно, упением неистовства, он еще одержимой памятью зрения лихорадочно искал взглядом лицо широкоскулого парня, стараясь прорваться лишь к нему, но тот возник и пропадал за чьими-то спинами, плечами и там пронзительно вскрикивал подсказывающим голосом: «На землю его, на землю!»

Но когда на счастливый миг (это был счастливый миг!) он, задыхаясь, слыша, как трещит на нем пиджак, разрываемый в разные стороны крючьями рук, сквозь удары и пинки прорвался к парню, тот издал устрашающий визг горлом, отступая вдоль парапета набережной к мосту, и тут словно бы вокруг образовалась пустота, прекрасная, справедливая пустота, теперь никто почему-то уже не мешал им, а парень отходил по мосту боком и спешающими рывками вытаскивал что-то из кармана брюк, и вдруг блеснул длинной иглой распаянный складной ножичек с серебристым тоненьким лезвием. И странно было — этот стальной блеск ножичка не вызвал у Никитина страха, наоборот, его слепо, неудержимо и яро кидала к парню какая-то разжатая до беспамятства пружина ненависти, которую ничем не мог в себе сдержать, и он упоенно, молитвенно, как в бреду, шептал:

— Ну, отлично, теперь мы один на один... Теперь я узнаю, стрелял ли ты когда-нибудь по танкам... («Зачем я говорю это? Почему это я говорю?») О, теперь все будет, как надо, трусивая ты сволочь... Такие и в войну были! О, такие, как ты, были еще в Древнем Риме... («Какой Рим? Зачем?») Ну что ж, ты или я?.. Посмотрим! Ты или я?..

— Не подходи-и! Сердце проколю! — заревел горловым голосом парень, исступленно тряся лицом, так что волосы забили по вискам его, и, прижавшись боком к перилам моста, остро выставил кулак с посверкивающим в нем прямым лезвием.

Должно быть, так озверело, устрашающе и утробно кричал первобытный человек, встречая черной ночью сильного врага мужского рода близ своей пещеры, замахнувшись, нацелясь смертельно-угловатым камнем, чтобы сделать прыжок и раздробить через самцу чужого племени. Но пещеры не было, не было первобытного человека, была спящая Пятница, закрытый ресторан «Балчуг», мост через Канаву, широкоскулый, с омерзительно разбитым носом парень и он, Никитин, неизвестно окровавленный, истерзанный, в разодраннных пиджаке и рубахе, глottавший кровь, наполнявшую рот, готовый в бешенстве и правоте бить, ломать, разрушать, защищать себя, свою наивность и что-то еще нематериальное, оскорбленное, раздавленное, но все-таки в те секунды Никитин уже не был Никитиным, а это придавало пещерно-дикое безумие тому, что он делал тогда...

— Хочу, чтобы ты все запомнил, сволочь!.. Нет, я этого не хотел!.. А вы шестеро на од-

ного... Нет, нет, не в деньгах дело! — одевенелыми губами шептал бредово Никитин подступая к парню, к напряженно подрастающему в его кулаке тоненькому, как и лезвию. — Ну, спрячешь нож? Или не спрятешь? Спрячешь? Или?..

— Не ле-езы! Проколю мошонку, падло опять взревел парень первобытным голосом угрозы и страха.

И в следующий миг Никитин почувствовал по левой кисти болью скользнуло горячее твердое, шатнулись впереди выкаченные зобой воспаленные глаза парня, черно открытый сипом дышащий рот, на короткий момент удел кровь на левой кисти, тотчас понял, парень задел ее ножом, и, отклоняясь, изнувшись, правой рукой ударили его снизу подбородок, услышал животный визг, крик ругательства, и опять перед ним премелькнуло полосами измазанное по склону красным лицо парня, выкаченные из орбит глаза, и он снова ударил по близкому, властному, отвратительному лицу, с мстительным сладострастием вкладывая в эти удары нечужучее, клокочущее в его душе, кипящее невыкипающее.

Потом сзади что-то тяжкое и темное обрушилось на него, резким толчком свалило ноги, и посреди суматошного топота вблизи ловцы, пинков, свиста, сквозь звон, заложивший уши, дошли до сознания два неясных вскрика, похожих почему-то на два обрываты, летящие по воздуху:

— Шухер! Шухер! — И показалось еле-странным опустело везде, и нависла над ним гуче звенящая тишина.

Тогда он вскочил, выплевывая кровь, с таясь от чугунного шума в голове, но его властным охватом стиснул со спины какой-то знакомый человек, говоривший ему: «Тихо!» — и, как в другом мире, увидел он пана у перил моста. Его держали за плечи двое милиционеров, жирные размазанные полы обезображивали его широкий нос, его склон ножа не было. Парень, обессиленно вырвавшись, дергаясь, не говорил, а выкашивал головом:

— Шел домой, а он прицепился, гад, Пьянь проклятая! Шел домой, а он деньги требовать, гад!

А Никитин еле стоял, покачивался на осевших ногах, не было силы сказать ни единого слова, он только улыбался страшной улыбкой.

В милиции, куда привели их, парень рыдающим голосом кричал, повторяя, доказывая что он шел из кино домой, а та вон проклятая пьянь начала приставать, полезла в карманы и вырвала деньги, полсотни — истерическими жестами показывал, каким разом все было: выворачивал наизнанку карманы и потрясал перед дежурным порванную пятидесятирублевую бумажкой. Капитан брезгливо суховатый, широколобый, глядя из-за стойки взором внимательной подозрительности, взял обрывок пятидесятирублевого («Н-ну-ка...») и положил на стол. А Никитин, усаженный милиционером на крепкую, обшарпанную скамью, смотрел на парня, вспоминая его ощеренное лицо в момент плевка («Я филитик!»), его хрипевший злой и страх охваченный рот во время драки на мосту («Сердце проколю!») — и едва не плакал бессилия и ненависти: им не дали додрать один на один, там, на мосту, кто-то из тех, кто-то по-темному, по-трусливому нанес ему удар сзади, свалил наземь, подставив ногу, сейчас, вот тут в милиции, где без какого-либо сочувствия не могло быть понимания одной, ни другой стороны, невозможно было бы даже рассказать, объяснить подробности, причины всего, что произошло на наружной. Выкрики парня, его объяснения «пьяный псих, бухарик», приставал, требовал деньги и затем, получив отказ, полез по карманам, чему доказательство — разорванный купюрой, — это еще чем-то могло приблизить к видимости правды, но то, что мог и хотел бы объяснить Никитин, выглядело неодненным, из ряда вон выходящим, ненормальным, а значит, затушевывало истину, или лялось неправдой.

«Ведь сегодня, именно сегодня произошло главное в моей жизни, и я, наверное, был счастлив, если это и есть счастье, и просто мне хотелось быть добрым ко всем на свете и

ботал великий русский художник Николай Константинович Рерих, имя которого стало символом духовного и культурного единения народов Индии и Советского Союза.

Я попал в дом Рериха как раз в те дни, когда в Индии шла подготовка к юбилею великого художника. Столетие со дня его рождения здесь собирались отмечать как праздник советско-индийской дружбы. Планировались чтения и заседания, посвященные памяти Рериха. Обсуждался проект юбилейной почтовой марки. Сейчас эта марка с барельефным изображением художника лежит на моем столе.

Сын Николая Константиновича Святослав Рерих принимал меня так, как принимают старого знакомого, с которым встретились вновь после долгой разлуки. Жена Святослава Николаевича Девики Рани (в прошлом знаменитая индийская кинозвезда) приветствовала меня на языке, где причудливо и мило сочетались английские обороты и русские слова. «Мистер Сидоров» здесь мирно уживался с «товарищем Сидоровым».

...Вот комнаты, где писал Николай Константинович. На стенах висят эскизы, небольшие картины, изображающие Гималаи, небо, светящиеся облака. Комнаты открыты для каждого дня посещения. Вот столовая, где у обеденного стола собиралась семья Рерихов. Гостиная. «Здесь каждый день», — говорит Святослав Николаевич, — мы настраивали приемник на московскую волну. Ждали вестей с фронтов». «Когда началась война», — вспоминает Святослав Николаевич, — мой брат Юрий и я дали телеграмму в Лондон советскому послу Майскому с просьбой зачислить нас добровольцами в Красную Армию».

— А вот здесь, — Святослав Рерих указывает на угол комнаты, где стоят кресла с выцветшей обивкой, — беседовали Неру и мой отец. Я давно был знаком с Неру. У меня установились дружеские отношения со всей его семьей. Неру хотел познакомиться с Николаем Константиновичем, но мешали дела. В мае сорок второго года Неру вместе со мной отправился в долину Кулу.

В дневнике моего отца есть запись: «Неделю у нас Неру с дочкой». Отец выделяет главные аспекты взаимных бесед. «Говорили об Индо-русской культурной ассоциации. Пора мыслить о кооперации полезной, сознательной». «Я же», — рассказывает Святослав Николаевич, — написал тогда целую серию этюдов и портретов Неру. Он, как вы знаете, был совершенно изумительный человек, глубокого, неповторимого сердца, большой широты взгляда. И, будучи исключительно культурным человеком, он, конечно, являлся прекрасным руководителем для Индии. Я его не только уважаю, но и люблю. И, конечно, в моих портретах я старался передать то, что я о нем знаю, вижу и видел в нем».

Святослав Николаевич, как и его отец, — художник. Он общеизвестный мастер психологического портрета. В галерее образов, созданных им, выделяются портреты Рериха-отца, Неру (одна из работ художника выполнена специально для зала заседаний индийского парламента). Утонченная красота индийской женщины с документальной точностью запечатлена в портрете жены художника. Я склонен видеть в этом портрете символ духовной красоты Индии.

В живописи Святослава Рериха господствуют мажорные тона. Краски ярки, праздничны, подчас ослепительны, как индийский пейзаж и индийское солнце. Они поневоле приводят на ум древнее изречение: «Радость есть особая мудрость».

«Ключ к моим картинам, к моему творчеству, — говорит художник — в моем отношении к жизни. Я люблю жизнь, меня жизнь всегда интересовала. Интересовала не только жизнь людей, но жизнь всей природы — вся Жизнь. Я всегда, уже с детства, увлекался природой, увлекался всем, что природа нам дает. И теперь ничего не доставляет мне столько удовольствия и радости, как погружаться в природу и читать ее книгу, эту книгу мудрости. Она разделита во всем: в крыльях бабочек, в сиянии кристаллов; ее вы встретите в цветах, в опылении, в жизни насекомых. И эта радость, которую я ощущал именно в контактах с природой, есть ключ к моему творчеству и моим картинам».

Творческие методы Рериха-старшего и Рериха-младшего различны. Сходство их заключается в одном: творчество Святослава Николаевича, как и творчество его отца, служит своеобразным мостом, соединяющим культуры двух стран. Интерес Святослава Рериха к индийской культуре широк и многогранен. Он говорит: «Чтобы действительно знать искусство Индии, нужно прожить в стране очень долго и непрестанно изучать его — настолько оно многообразно. Много моих картин, как вы знаете, посвящено Индии, потому что я живу в Индии, потому что я хотел отразить жизнь Индии, ту жизнь, которая меня особенно привлекала и которая, может быть, меня поражала. Я не знаю, насколько это мне удалось или удастся. Индия настолько многообразна, что отразить ее всю во всем, во всем ее сверкании очень, очень трудно. Но все же я считаю, что мой долг это сделать».

Имя Святослава Рериха широко известно. Его полотна находятся в парижском Лувре, ленинградском Эрмитаже, в музеях Чехословакии, Бельгии, Индии, США. Заслуги Святослава Николаевича перед искусством Индии отмечены «Почетным орденом за искусство и гуманизм». Этим орденом, учрежденным к столетию со дня рождения Рабиндраната Тагора, был в свое время награжден советский скульптор Коненков.

В 1960 году москвичи, а затем ленинградцы имели возможность познакомиться с картинами Святослава Рериха. Его выставку посетило полмиллиона человек. Правда, сам художник считает, что выставка была недостаточно полной, на ней не были представлены его монументальные полотна, которым он придает первостепенное значение. Сейчас, когда пишутся эти строки, в Москву прибыли его картины. Святослав Рерих в этом году тоже юбиляр — 23 октября 1974 года ему исполнилось 70 лет. К этой годовщине и приурочена его выставка. Она подводит итоги многолетней, напряженной творческой деятельности. На мой взгляд, значительно, что картины Святослава Рериха демонстрируются, как бы утверждая преемственность прошлого и настоящего, в залах Третьяковской галереи — этой цитадели русского реализма. Традиции русского реалистического искусства, обогащенные восточными и в первую очередь индийскими сюжетами, одухотворенные индивидуальностью большого мастера, властно звучат в его картинах.

«Мои истоки здесь, в России, —

подчеркивает художник, — я был полон русского искусства, это были мои истоки, и на них основано все мое последующее знание».

Мысль Святослава Николаевича возвращается к памятным дням прошлого. «Получилось так, — рассказывает он, — что мой отец и Неру больше уже не виделись. Англичане вскоре заключили Неру в тюрьму. А когда он вышел на свободу и Индия обрела независимость, ушел из жизни мой отец».

Сразу после его кончины в Дели была открыта мемориальная выставка Рериха. Выступая на ее открытии, Джавахарлал Неру произнес проникновенные слова: «Хорошо, что эта выставка состоялась, несмотря на печальное обстоятельство смерти творца этих полотен, потому что искусство и труд Рериха имеют мало общего с жизнью и смертью личности. Они выше этого, они продолжают жить и в действительности являются более долговечными, нежели человеческая жизнь».

Мы спускаемся к мемориалу Рериха. Художник умер накануне возвращения на Родину. Уже были упакованы и приготовлены к отправке в Москву картины. По завещанию художника они потом были переданы в дар нашему народу. Когда скинули тело Рериха, его лицо было обращено на север, в сторону России.

Мы стоим несколько минут молча у камня-обелиска, на котором высечена столь известная ныне надпись: «Здесь в декабре 1947 года было предано огню тело Николая Рериха — великого русского друга Индии. Да будет мир».

4

«Сердце сердцу весть подает. Красив индо-русский магнит», — писал Рерих. История сохранила знаменитое восхищение Афанасия Никитина: «И от всех наших бед уйдем в Индию». Но движение русского сердца не было односторонним. Оно вызывало ответную волну. Следы индийских поселений на Волге убедительно свидетельствуют об этом.

Поразительно сходство наших языковых стихий. Язык древней Индии — санскрит — и русский язык имеют столько общих норм, что это никак не может быть случайностью. Не случайно также и совпадение древних легенд и преданий. Еще критик Стасов обратил внимание на тождество сюжетов русских былин и индийских эпосов: «Рамаяны» и «Махабхараты».

— Да, это верно, — подхватывает близкую ему мысль Святослав Рерих. — Однако не об этнографии, не о филологии думается, но о чем-то глубочайшем и многозначительном, обычно в таких случаях говорил мой отец. Это «глубочайшее и многозначительное», по его убеждению, состояло в том, что русские народы и народы Индии далеки от шовинизма. В этом их сила.

5

Интерес ко всему русскому в Индии велик. История действительно все время сближала наши духовные орбиты. Октябрьская революция дала гигантский импульс давним традиционным отношениям. Притягательная сила идей нового строя в стране, задавленной колониальным гнетом, выявилась быстро.

В 1926 году нарком иностранных дел Чичерин получил письмо махатм — духовных водителей индийского народа. Они приветствовали русскую революцию. «На Гималаях мы знаем совершающее Вами... — посылаем Вам всю нашу помощь, утверждая единение Азии!» От имени тех же махатм Чичерину был вручен ларец с гималайской землей. «На могилу нашего брата махатмы Ленина» — так было сказано в послании.

Выдающиеся умы Индии с самого начала почувствовали величие и бескорыстие подвигов народов России, ибо все, что здесь совер-

Портрет жены С. Н. Рериха
Девики Рани.

шалось, совершалось для всего человечества. Великий индийский поэт Рабиндранат Тагор, посетивший Советский Союз в 1930 году, очутившись в неповторимой атмосфере новостроек первой пятилетки, писал:

«Наконец-то я в России, и то, что вижу, чудесно, непохоже на другие страны, в корне отлично». Известны его восхищенные слова о вдохновенно-преобразующей работе коммунистов. «Они разбудили здесь весь народ... Не увидев собственными глазами, я никогда бы не поверил, что они всего лишь за десять лет смогли поднять со дна невежества и унижения сотни тысяч людей и не только научить их грамоте, но и привить им чувство собственного достоинства».

И, конечно, многим памятно — об этом могу судить по разговорам с новыми индийскими знакомыми — письмо Джавахарлала Неру, написанное в одиночной тюремной камере, куда его в очередной раз упрятала британская администрация. Письмо было адресовано дочери — Индире Ганди.

«Год, когда ты родилась, был одним из незабываемых в истории; в этом году великий вождь с сердцем, преисполненным любовью и сочувствием к бедным и страдающим, повел свой народ на благодатный и немеркнущий в истории подвиг. В тот момент, когда ты родилась, Ленин начал революцию, которая изменила облик России».

6

И опять дороги, но теперь идущие в обратном направлении — с севера на юг, из прохлады в жару. Разноязыкий говор. Новые встречи.

Языки, на которых говорит современная Индия — хинди, урду,ベンগলি, — красочны и богаты. Слова объемны, многомерны. Бывает, что за словом, звучащим скромно и непрятательно, тянется глубинный философский пласт. В конце беседы мне нередко приходилось слышать «ধ্যান্যাবাদ». Это примерно соответствует русскому «спасибо». Но, конечно, перевод условен и приблизителен. Если же обратиться к первозданному смыслу слова, то перевод будет выглядеть так: «Мы с вами обогатились общением друг с другом».

Удивительно емкое и многозначительное слово. Оно на редкость точно выражает тенденцию нашего времени, направленную не на разъединение, а на объединение. «Обогащаться общением друг с другом».

Дханьявад!
Дели — Москва.

Октябрь 48 ноября 1974.

ДЕЛО о ТЕЛЕФОННЫХ ЗВОНИКАХ

Руфь ЗЕРНОВА
ПОВЕСТЬ

Рисунки И. УШАКОВА.

XIII

Рита предложила Кириллу проводить его в Москву.

— Бызму за свой счет на один день. Вообще-то говоря, мне отгуд причитается, да могут не дать — знаешь, как у нас. Так лучше я за свой счет. Не обеднею как-нибудь без этих трех рублей. А не дать Варвара не посмеет — моментально в другую точку уйду.

Кирилл сказал:

— Подумаю.

— Чего думать-то! — Рита пожала плечом, не изменяя спокойного и рассудительного выражения лица.

И Кирилл сказал:

— Ладно. Потешимся напоследок.

Что он имел в виду, Рита поняла, когда оказалось, что Кирилл взял мягкую «Стрелу» — двухместное купе.

— Надо же! — сказала Рита. — Как господа. Никогда так не ездила. Умеешь ты!

— В буфет пойдем или здесь закусим? — спросил Кирилл.

— А ты как хочешь?

— Сегодня ты королева. Как скажешь — так и будет.

— Тогда здесь, — решила Рита. — Неохота мне сегодня смотреть на пьяные морды. Так нам с тобой здесь... как будто это наш дом.

Когда по вагонам стали разносить напитки и закуски, Кирилл купил бутылку коньяка и плитку шоколада. Рита попросила его выйти, она хотела переодеться. Когда он вошел, она сидела в цветастом нейлоновом халатике и смотрела на него необычно блестящими глазами.

— И правда, как будто дом наш. И не видно, что едем. Просто закрыли двери. Ну, обними меня.

Под утро она сказала:

— Не спугаешься с кем-нибудь там? Смотри у меня!

— Где там спутываться! — сказал Кирилл. — За экскурсоводом будем ходить, как цыплята.

Она помолчала и сказала:

— Привыкла я к тебе.

— Приеду — поженимся, — сказал Кирилл. — Я тебя с работы сниму, ребенка заведем...

— Вот видишь, — сказала она. — Я же говорила тебе, что лучше меня не найдешь. А дело прошлое — я тебя ревновала к этой... ну, у которой отца убили. Сейчас мужики пошли ненормальные — им такие нравятся...

— Я очень нормальный, — сказал Кирилл.

— Ты-то нормальный. Подожди, ты послушай. А она не переживает из-за тебя? Как ты думаешь?

— Не знаю, не интересуюсь. Я ж говорю, я нормальный.

— Не интересуешься? А почему у тебя ее фотография?

Рита почувствовала, что Кирилл отодвинулся и словно застыл. Она села на постели, обняла руками колени и сказала:

— Так вот оно что!

— Ты о чем? — спросил Кирилл.

— Очень хорошо знаешь, о чем. За неимением гербовых пишут на простых, да?

— Темная ты, Ритка, — сказал Кирилл со вздохом.

— Скажи уж прямо, серая. Только имей в виду, что гордость у меня тоже имеется.

— Кто у тебя ее отнимает, гордость твою! Что ты болтаешь, подумай сама. Ты в зеркало хоть смотришься когда? Ну сравни себя и ее.

— А фото? — спросила Рита, не убежденная.

— Что фото?

— Зачем ты с собой ее фотку везешь?

— Вез бы твою, если бы у меня была.

— Ты ж у меня не просил никогда.

— Я и у нее не просил, сама подарила.

Рита несколько минут лежала молча, размышляя. Потом сказала:

— И чего это со мной? Никогда такого не было. Видно, сильно я к тебе привыкла.

Кирилл привлек ее к себе, она положила голову ему на плечо. Он спросил:

— Ты когда ее увидела, фотографию эту самую? Когда я за коньяк расплакивался?

— Ага. Увидела, что какая-то фотка... А потом ты вышел — я достала бумажник, посмотрела. Даже на картон наклеен! Слушай, порви ты ее, чтобы я была спокойна.

— Ох, и ревнивая у меня жена будет! — сказал Кирилл.

Они помирились.

Целый день потом они гуляли по зимней Москве. Рита несколько раз возвращалась к разговору о фотографии. Кирилл отшучивался. Наконец он сказал:

— Была бы у меня твоя фотография...

Рита открыла сумочку и сказала:

— Ha!

Это была открытка девять на двенадцать. Рита была снята в три четверти оборота, с опущенными глазами.

— Ну, настырная! — удивился Кирилл. — Ладно, обрежу аккуратно и наклею поверх той. Устраивает тебя? Без картона в бумажнике помнется, а картона такого мне сейчас уже не купить. Отдирать тоже будет неаккуратно. И закроешь ты мне ее, как оно и в жизни случилось.

Они купили в писчебумажном магазине kleю. Тут же на столике он закапал kleю Аллино лицо и осторожно запепил его Ритиным.

— А теперь надпиши сверху, — сказал он. — «Моему мужу».

Она аккуратно надписала на картоне под фотографией: «Моему мужу Кириллу от его жены Риты». Поставила число. Потом сказала:

— Вот теперь мы как будто с тобой обручились. Слушай, мы с тобой не договорились, что ты мне привезешь. Кофточек этих не надо — у меня их и так навалом. Ты привез мне такую сковородку, на которой без масла жарить можно. Чтоб не толстеть.

Кирилл стал смеяться. Рита смотрела на него растерянно — она не понимала, что его так веселит. Потом сказала:

— Сейчас даже у кого хорошая фигура, не смотрятся, если полные.

— Я не потому смеюсь, — сказал Кирилл, успокоившись. — Я просто думаю, как со сковородкой по Европам буду ездить.

— Я тут пока на мебель запишуся, — сказала Рита.

Поезд на Брест отходил в 19.20. Они приехали на Белорусский вокзал в половине седьмого — перед этим они пообедали в ресторане «Пекин». Десятка два будущих спутников Кирилла — мужчин и женщин — с провожатыми группировались вокруг толстого очкастого старосты. Кирилл подвел к нему Риту:

— Моя невеста.

Тот оглядел ее одобрительно и сказал:

— Не боитесь оставлять на целых десять дней?

И засмеялся. Рита была шокирована такой несерезностью. Она сухо сказала:

— Некоторые мужчины думают, что над всем можно шутить.

И отвернулась. Староста опешил, а Кирилл рассердился:

— Рита, ты что — шуток не понимаешь?

Староста сказал:

— Нет, я, конечно, неудачно пошутил, приношу свои извинения.

Рита милостиво кивнула головой.

— Только я... Вы как-то сразу отшибли мне память. Ведь вы Жуков, Кирилл... Андреевич, кажется?

— Я, — сказал Кирилл.

— Вас просяли зайти к начальнику вокзала. Что-то с паспортом вашим... Кажется, забыли дату рождения проставить, год есть, а месяца и числа нету.

Рита посмотрела на Кирилла, и ей показалось, что у него что-то сделалось с лицом. Он как-то механически кивнул, словно думал о другом. Потом он отдал Рите свой чемоданчик, который они успели взять из камеры хранения:

— Постереги!

И пошел в сторону кабинета начальника. Но

ВАРШАВСКИЙ ПОДПЛАН

Октибре

ГАЗЕТА ТАЛЛИНСКОГО ГОРОДСКОГО КОМИТЕТА КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ ЭСТОНИИ И ТАЛЛИНСКОГО ГОРОДСКОГО СОВЕТА НАРОДНЫХ ДЕПУТАТОВ

Понедельник, 6 июля 1987 г.

№ 154 (13 031/5024) Газета выходит с августа 1972 года

КАК ВЫЙТИ ИЗ ТУПИКА?

ПЕРЕСТРОЙКА: АНАЛИЗ ПРАКТИКИ

19 февраля с. г. наша газета опубликовала корреспонденцию под заголовком «Пока только раскачка». В ней, в частности, шла речь о проблемах труда и быта работников ПО «Эстремрыбфлот».

Эту тему продолжает генеральный директор объединения Виктор Михайлович БОГАЧЕВ.

МНЕ ХОТЕЛОСЬ бы выскажаться по ряду принципиальных вопросов. Господские проекти-

объединения» и утверждении в квартире, как ны министром рыбного хозяйства СССР В. Каменцевым и Советом Министров ЭССР. Однако большинство из них, и в основном по Таллинского горисполкома, не выполняются. Неменее чем на год задержано начало проектирования

ногого развития. Создались какие-то странные и непонятные нам взаимоотношения с горисполкомом в вопросе выделения земельных участков для строительства жилья и объектов соцкультбыта, хотя совершенно ясно, что от уровня социального развития нашего предприятия, многое зависит в обеспечении социальных условий жизни большого рабочего района Копли. Мы же не можем полу-

чить места для установки

физкультурно - оздоровительного комплекса и под

строительство клуба и жи-

